
ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА

Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш.*

Глобальные процессы цифровизации ставят перед политиками и научным сообществом современных государств ряд новых задач в сфере реализации мер по обеспечению консолидации общества. Влияние современных цифровых технологий на трансформации характера человека, его поведения, социальную и политическую психологию усугубляют происходящие процессы социальной дезинтеграции, угрожая долгосрочной социально-экономической и политической стабильности. Инструментом корректировки наблюдающихся отрицательных последствий воздействия цифровизации на социум могут быть механизмы реализации политики идентичности, ориентированной на гармонизацию общественных отношений.

Ключевые слова: коллективная идентичность, консолидация общества, цифровизация, сетевая экономика, межпоколенческие ценностные сдвиги, политика идентичности.

DIGITAL CHALLENGES OF SOCIAL AND POLITICAL CONSOLIDATION AND COLLECTIVE SOCIETY IDENTITY

The global processes of digitalization pose a number of new challenges for politicians and scientific community of modern states in the implementation of measures to ensure the consolidation of society. The influence of modern digital technologies on the transformation of human character, behavior, social and political psychology exacerbates the ongoing processes of social disintegration, threat-

---

* Селезнев Павел Сергеевич – д. полит. н., доцент Департамента политологии, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: sps@fa.ru.

Seleznyov, Pavel S. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: sps@fa.ru.

Сургуладзе Вахтанг Шотович – к. ф. н., ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», докторант Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: bafing@mail.ru.

Surguladze, Vakhtang Sh. – Candidate of Philosophy, leading expert of the 'STK' Analytical Group, doctoral student of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: bafing@mail.ru.

ening long-term socio-economic and political stability. Mechanisms for implementing identity policies aimed at harmonizing social relations can become a tool for correcting the observed negative consequences of the impact of digitalization on society.

Keywords: *collective identity, consolidation of society, digitalization, network economy, intergenerational value shifts, identity policy.*

Текущий этап глобализации характеризуется противоречивыми тенденциями развития: мир становится беспрецедентно взаимозависимым и в то же время все более антагонистичным в сфере политики, идеологии, ценностных культурно-исторических и цивилизационных ориентаций. Опыт пандемии COVID-19 продемонстрировал уязвимость мира перед лицом общих вызовов и угроз, важность для решения актуальных современных проблем исследований в области глобалистики [Чумаков 2020]. Ключевыми измерениями глобализации сегодня, несомненно, выступают информационно-цифровая и технологическая сферы, в которых пересекаются глобальные тенденции научно-технического развития, содействующие процессу глобализации, и основные угрозы социально-экономической и политической стабильности национальных государств, до сих пор остающихся основными субъектами международных отношений, деятельность которых детерминирована культурно-историческими, цивилизационными рамками развития. В связи с указанными тенденциями всемирно-исторического развития важной задачей гуманитарных наук является определение направлений смягчения кризисных явлений современных социокультурных, экономических и социально-политических трансформаций, как на глобальном, так и на региональном уровнях. В данном контексте особое значение приобретают вызываемые цифровизацией трансформации консолидирующих ценностных ориентаций общества, в частности, наблюдающиеся в настоящее время межпоколенческие сдвиги в поведенческой и ценностной сферах, прежде всего характерные для государств – передовиков цифровизации и, по-видимому, неизбежные и для других государств, находящихся на пути догоняющей модернизации и также, по мере сил, внедряющих новейшие цифровые технологии.

Опыт пандемии COVID-19 показал, что социальная роль национального государства является важной объективной ценностью человеческого общества, а это значит, что для стабильного долгосрочного развития социума необходимо найти консенсус по вопросу о гармонизации задач сохранения социально ориентированного национального государства и рационального внедрения способствующих процессу глобализации современных информационных технологий таким образом, чтобы их использование не подрывало социокультурную сферу суверенных государств, способствовало консолидации и устойчивости социума на базе разделяемых большинством ценностей и коллективной идентичности.

Консолидация общества и реализация политики идентичности в «аналоговом мире»

Со времен изобретения книгопечатания, распространения грамотности сначала среди высших классов, а потом и среди более широких слоев населения, разви-

тия прессы и средств массовой информации основой современного национально-государства выступал комплекс социокультурных ценностей, идеологического нарратива и представлений, обеспечивавших определенный уровень консолидации, поддерживавший коллективную идентичность членов общества в качестве граждан государства-нации. Система образования как государственных, так и общественных институтов, поддерживавших образование и культуру, обеспечивала обществу определенное единство взглядов по основным вопросам социально-политического развития. Исторически функции поддержания указанного единства целей возлагались на идеологию, носителями которой на протяжении многих веков выступали религиозные формы сознания и сакральные институты.

Процессы глобальной секуляризации и эмансипации второй половины XX – начала XXI столетия, особенно ярко проявившие себя в развитых постиндустриальных странах «коллективного Запада», привели к тому, что, пользуясь формулировками Р. Инглхарта и К. Вельцеля, ценности самовыражения стали доминировать над ценностями выживания, в результате чего социально невостребованным оказался прежде не вызывавший сомнения нарратив важности обеспечения и поддержания определенного уровня коллективной политической и социокультурной идентичности, ориентированной на долгосрочное социально-политическое выживание общества в качестве не только актора международных отношений и национального государства, но и носителя определенного типа культуры, свойственного данному обществу и имеющего для его представителей самостоятельную ценность.

С развитием массовой психологии общества потребления и процессов роста популярности и легализации мультикультурализма, в крайних своих формах приведшего к возможности фактического социально-политического диктата меньшинств, ряд современных государств постиндустриального «коллективного Запада» столкнулись с кризисом коллективной государственно-политической идентичности, расколотостью сознания общества. Важным аспектом данной проблемы, усугубившим ее развитие, стали кризисные процессы в демографической сфере и масштабный приток иммигрантов из инокультурных и социально-экономически менее развитых государств, представители которых, в отличие от граждан обществ-реципиентов, как правило, в ментальном отношении более традиционны и не готовы принять в качестве обязательного «символа веры» идеологию мультикультурализма и равенства меньшинств.

Указанные тенденции закономерно размывали уровень социального капитала и доверия в обществе, значение которого для гармоничного и стабильного социально-экономического и политического развития сложно переоценить. При этом в развитых странах положение осложняется тем фактом, что в государствах либерального Запада политика идентичности, как правило, интерпретируется в негативных категориях, *рассматривается не как инструмент консолидации и гармонизации общества, а как причина социальных конфликтов*. Ярким примером такого понимания политики идентичности является работа Ф. Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия». Между тем даже известный американский мыслитель вынужден признать, что гипертрофированное внимание

к идентичностям меньшинств болезненно сказывается на благополучии и моральном климате общества в целом. И это тем более очевидно, что многие прогнозисты, в частности, авторы доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тренды 2030: альтернативные миры» и эксперты Европейского парламента, опубликовавшие доклад «Глобальные тренды 2035: геополитика и международная мощь», считают, что XXI век будет веком столкновения идеологий и мировоззрений, а значит, и столкновения идентичностей.

Цифровизация и автоматизация привели к усилению социально-экономической сегрегации и неравенства развитых стран, росту социокультурного расслоения общества, ускоренному снижению уровня социального единства и самым сильным протестным движениям в наиболее инновационных городах, среди которых можно отметить Нью-Йорк, Лондон, центры передовых технологий Кремниевой долины, которую еще до пандемии COVID-19 стали массово покидать представители некогда передового и считавшегося наиболее успешным «креативного класса». Указанные тенденции заставляют ставить вопрос о правомерности новой, уже не марксистской, но по сути классовой интерпретации происходящих социальных процессов, обращаться к понятиям классовых противоречий между «креативным» классом, «прекариатом» и «салариатом».

Влияние цифровизации на трансформации характера, поведения, социально-политическую психологию и идентичность

К настоящему времени сложился пласт научной литературы, посвященный исследованиям влияния цифровизации на трансформации поведения человека. Наибольший интерес с точки зрения исследования указанной проблематики представляют собой массивы накопленных эмпирических данных. Прежде всего обращают на себя внимание большие данные американских исследований, через которые за последние десятилетия прошли сотни тысяч граждан Соединенных Штатов: *Current Population Survey* (1948–2016), *Monitoring the Future* (1976–2015), *American Freshman Survey* (1966–2015), *Youth Risk Behavior Surveillance* (1991–2015), *General Social Survey* (1972–2016), *Uniform Crime Reports* (1960–2015), *National Crime Victimization Survey* (1997–2013), *National Survey on Drug Use and Health* (2004–2015), *US Current Population Survey* (1972–2014), статистические данные Центров по контролю и профилактике заболеваний США. На основании этих данных современными учеными выявлены тенденции трансформаций под воздействием цифровизации характера, поведения, социально-политической психологии и идентичности граждан.

Среди многочисленных последствий цифровизации можно выделить десять тенденций, которые в разной степени влияют на степень консолидации общества и которые в этой связи важно учитывать при выработке государственной политики идентичности и других мер, направленных на обеспечение информационной безопасности социума и его стабильного долгосрочного развития.

1. На повестку дня встают вопросы сохранения сложившихся гендерных ролей. Появляется все больше научных свидетельств о том, что мужчины хуже адаптируются к стремительным социально-экономическим изменениям, связан-

ным с технологическим развитием, утрачивают веками складывавшиеся социальные функции. В результате деградирует институт семьи, все больше детей воспитываются без отцов, возникают хронические проблемы социализации [Зимбардо, Коломбе 2017].

Распространяется феномен фактического одиночества на фоне роста виртуальной псевдоактивности (собираение «лайков», тысяч «друзей» и «фолловеров») в социальных сетях. При этом люди становятся менее терпимыми, более инфантильными, неспособными к компромиссу, поскольку ориентируются на модели и образцы, диктуемые популярными медиа и социальными сетями [Твенге 2019; Карр 2012; Twenge, Campbell 2009].

2. Виртуализация реальности атрофирует у человека способность к сопереживанию и снижает общий уровень гуманности. Сочувствие, эмпатия уходят на второй план, а новые технологии создают иллюзию возможности прожить, сократив реальные межличностные контакты до минимума и атрофируя способность «цифрового человека» к социализации, в том числе и по причине растущего в атомизированном цифровом мире нарциссизма [Twenge, Campbell 2009].

3. Развитие компьютерных игр и разнообразных симуляторов виртуальной реальности, рост влияния социальных медиа приводят к искажению восприятия современного мира. В данном контексте возникают проблемы игровой зависимости, вопросы распространения симуляторов, разработанных для военных, порождающих отнюдь не виртуальную, а реальную агрессию, которая усиливается после подобных игр как у детей, так и у взрослых. Одними из последствий указанных тенденций становятся игровая зависимость и феномен, получивший название «игрового вдовства» [Зимбардо, Коломбе 2017].

4. Технологические вызовы этике, гуманитарной сфере усиливают размывание консолидирующих ценностей, в результате чего становится все сложнее найти опорные точки коллективной идентичности, которые могут быть приняты большей частью социума. Виртуализация жизни вызывает опасения, что именно пессимистический сценарий будущего наиболее реален. Примерами дегуманизации, происходящей по причине развития современных технологий, являются особенности работы операторов боевых беспилотников и офицеров кибервойск, которые могут дистанционно наносить огромный ущерб критической инфраструктуре, уничтожать людей, не ощущая никакой личной причастности – все происходит как в кино, в игре, а возмездие не всегда очевидно, реальность не ощущается [Харрис 2016].

5. Мозг человека цифровой эпохи утрачивает навыки долговременной памяти за счет расширения памяти оперативной, которая содействует умению работать в условиях многозадачности, но разрушает способности к концентрации внимания и глубокому анализу. Люди массово разучиваются читать и понимать длинные тексты [Карр 2012]. Этот факт также не дает оснований для оптимизма. Данные процессы вызывают опасения по поводу качества политической элиты в целом, ее способности комплексно, стратегически мыслить, вырабатывать соответствующие решения, в том числе формулировать и поддерживать консолидирующие общество ценности.

6. У детей все чаще диагностируется синдром дефицита внимания и гиперактивности, который в США лечится медикаментозно с выявленными отрицательными последствиями для умственного развития человеческой популяции в перспективе, в результате чего «внутренняя мотивация вытесняется медикаментозно сформированными поведенческими рефлексам» [Зимбардо, Коломбе 2017].

7. Картина психологического неблагополучия дополняется синдромом социальной активности – привычкой к постоянному общению, участию в разнообразных мероприятиях, неумением отдыхать и информационно разгрузиться, вследствие чего растет количество самоубийств, а депрессивное состояние населения становится неотъемлемой данностью жизни в информационно перегруженной цифровой среде [Твенге 2019].

8. Общий рост социального недоверия, социального неравенства и конфликтности в «цифровых» обществах, обусловленных роботизацией и «финансиализацией» экономики, прекариатизацией широких масс населения [Стэндинг 2020; Форд 2019]. Экономика больших данных на практике приводит к экономии на масштабах, но и к дегуманизации. Сегодня сложно сказать, кто вызывает большее сочувствие – хрестоматийный человек на сборочном конвейере Генри Форда или человек, ставший безликой функцией больших данных и сетевых технологий, зависящий от платформ *Uber* или «Яндекса».

В современных обстоятельствах дегуманизация обусловлена тем, что люди, загнанные в рамки цифровых технологий, вынуждены поддаваться сетевому диктату, расплачиваясь за цифровизацию долгосрочным ухудшением социально-экономического положения [Стиглиц 2020; Аткинсон 2018; Пикетти 2016]. Причем правительства национальных государств пока оказываются неспособными что-то изменить.

9. Все больше специалистов в трудовой сфере указывают на отнюдь не очевидные выгоды удаленной занятости. Корпорации экономят миллиарды долларов на офисных помещениях, но их сотрудники, находящиеся на удаленном доступе, вынуждены нести значительные сопутствующие издержки. Рост количества нештатных сотрудников и «фрилансеров» также способствует дезинтеграции общества и размыванию коллективной идентичности – утрачиваются возможности коллективной защиты собственных прав перед лицом работодателя, размывается чувство социальной и профессиональной идентичности. Разобщенные люди не чувствуют между собой солидарности. Пагубно сказывается на психологическом здоровье населения вызванное цифровизацией отсутствие четкого разделения жизнедеятельности на зоны работы и отдыха [Зимбардо, Коломбе 2017; Стэндинг 2020].

Роботизация и информационные технологии исключают все больше людей из производственных процессов, не повышая уровень общего благосостояния. Средний класс развитых стран сокращается, бедные беднеют, а богатейшие богатеют невиданными до сих пор темпами.

10. Снижение познавательной ценности информационного пространства. Казалось, что Интернет – зона свободы, возможностей для поиска информации. Однако с течением времени стало очевидно, что информационный поток в глобаль-

ной Сети совершенно «заспамлен», все труднее становится отличать правду от лжи («фейк-ньюс»).

Показательно, что озабоченность современным состоянием постиндустриального общества выражают и известные апологеты цифровизации и креативной экономики. Так, например, заявил о необоснованности собственных завышенных ожиданий от развития современной третичной экономики создатель и многолетний пропагандист концепции креативного класса Р. Флорида [2018].

Утрата консолидирующих социум функций образования, движение от цифрового оптимизма к цифровому пессимизму

Традиционным институтом консолидации общества, формировавшим общие смысловые рамки социума, выступала система образования. Однако сегодня этот механизм поддержания чувства гражданской сопричастности перестает работать. Указанный процесс происходит по разным причинам. Рост количества образованных граждан, казалось бы, должен способствовать развитию и укреплению сложившихся образовательных систем в контексте их влияния на социальные отношения и коллективную идентичность, однако на практике происходит обратное. В странах, правительства которых проводят политику мультикультурализма, система образования ориентирована на воспитание в гражданах лояльности к множественности идентичностей, тем самым размывая имевшиеся в прошлом более широко распространенные опорные точки самосознания. В то же время в результате адаптации современных образовательных структур к потребностям цифровой эпохи и сетевой экономики образование как таковое стремительно утрачивает ореол сакральности и самостоятельной ценности [Твенге 2019; Радаев 2020; Стэндинг 2020], равно как утрачивается и уважение к образованности. Образование, во все возрастающей степени ориентированное не на знания, а на навыки, *soft skills*, формирует потребительское отношение к самому процессу обучения, что, в свою очередь, понижает морально-нравственное и этическое значение образовательных институтов.

Другой негативной тенденцией, оказывающей влияние на формирование общегражданского нарратива механизмами образования, является размывание и замещение информационного лекционного контента превалирующими практиками семинарских занятий и новых интерактивных методов, которые предполагают самостоятельный поиск информации обучающимися. Теоретически подобный подход должен развивать необходимые в цифровом сетевом обществе навыки, однако на практике он приводит к снижению образовательных стандартов, кругозора, глубины знаний, навыков академической культуры, а также девальвации статуса экспертного сообщества, поскольку в мире социальных медиа каждый гражданин претендует на обладание собственной экспертностью.

В 2000-е гг. появился массив работ, воспевавших разнообразные проявления уникальности, непохожести и самобытности во всем. Яркими представителями этого направления были, например, К. Нордстрем и Й. Риддерстрале из Стокгольмской школы экономики. Параллельно возникали утонченные концепции потребительского поведения успешных миллениалов, новой элиты, определенных

Д. Бруксом в качестве буржуазной богемы, и преисполненные оптимизма маркетинговые стратегии, например, концепции бывшего вице-президента по маркетингу компании *Yahoo* С. Година, популяризовавшего вирусные методы продвижения продукции в социальных сетях и подход «разрешительного» маркетинга (*permission marketing*). Апофеозом развития указанных тенденций стала популярная концепция «креативного класса» Р. Флориды. Приведенные примеры демонстрируют, как индивидуализм и ориентация на собственные обособленные потребности личности становились основной темой образовательной и бизнес-повестки, а также единственной пропагандируемой моделью поведения.

Однако в реальности мир цифровой сетевой экономики оказался гораздо менее привлекательным. Эпоха бурного развития стартапов привела к конечной монополизации рынка гигантами цифровой экономики, скупающими на корню лицензии и любые более-менее перспективные стартапы в сфере своих и смежных бизнес-интересов [Чумаков 2019: 398–409]. Указанные тенденции все чаще становятся предметом недовольства, общественной дискуссии и внимания государственных регуляторов. Так, например, в октябре 2020 г. Министерство юстиции США подало иск против компании *Google*, обвинив корпорацию в монополии на поиск и поисковую рекламу. В декабре того же года власти 46 американских штатов вместе с Федеральной торговой комиссией подали в суд на компанию *Facebook*, обвинив последнюю в системных нарушениях антимонопольного законодательства и требуя отделения *Instagram* и *WhatsApp*. Указанные действия свидетельствуют о том, что в условиях глобальной экономической нестабильности и последствий пандемии COVID-19 как на гражданском, так и на государственном уровне растет озабоченность низкой степенью социальной ответственности гигантов цифровой экономики.

Межпоколенческий сдвиг: от миллениалов к центениалам-айдженерам

В контексте изучения трансформаций коллективной идентичности указанные процессы важны в том отношении, что демонстрируют, насколько пропагандированные утверждения о благах цифровой эпохи для «суверенного индивида – потребителя» не соответствуют реальности и многолетним ожиданиям. Данное несоответствие проявилось в настроениях общества. И прежде всего молодого поколения, которое находится в эпицентре использования цифровых технологий, что дало основание американскому социологу Джин Твендж предложить концепцию поколения айдженеров (*iGener*), по аналогии с названиями продукции корпорации *Apple*, поскольку, по мнению исследовательницы, полностью цифровое поколение появилось одновременно со смартфонами *iPhone*, поступившими в продажу в середине 2007 г. Примечательно в данной связи, что современные специалисты по изучению межпоколенческих отличий свидетельствуют о том, что вступающее в настоящее время в период активной социализации поколение центениалов (поколение Z) в отличие от поколения миллениалов (поколение Y) характеризуется явными чертами социальной апатии, пониженным уровнем уверенности в будущем, снижением навыков социальной консолидации, отсутствием казавшегося неизбежным для молодежи бунтарского духа [Твендж 2018; Твенге 2019].

Особенно ярко данные черты межпоколенческих отличий проявляются в Соединенных Штатах. Однако схожие тенденции наблюдаются и в России [Радаев 2020]. Достаточно хорошо изученный благодаря обилию эмпирического материала, наличию многолетних статистических данных и многочисленным лонгитюдным исследовательским проектам американский опыт имеет для российских специалистов прогностическую ценность, поскольку дает представление о вариантах развития текущих тенденций цифровизации и ее воздействия на общество.

По мнению Дж. Твендж, для преодоления негативных тенденций развития личности сегодня необходима позитивная информационная повестка. О важности в современных условиях конструктивной информационной повестки, способствующей развитию и поддержанию здоровой индивидуальной и коллективной идентичности, свидетельствуют и такие авторы, как Ф. Фукуяма, Ф. Зимбардо и Н. Коломбе.

При этом в практическом отношении остается неясным, какие механизмы могут быть использованы для противодействия отрицательным трендам. Практикующим психологам, специалистам по рекламе и маркетингу давно известно о том, что сознание человека ограничено и характеризовалось информационной перегруженностью еще на заре нового тысячелетия. Однако сегодня вследствие тотальной цифровизации это воздействие приобрело качественно новый характер.

Влияние цифровых технологий на политическое поведение и утрату навыков стратегического мышления

Политические последствия указанных процессов сложнопрогнозируемы в силу противоречивых оценок доминирующих черт характера вступающего в пору социально-экономической и политической активности поколения Z. Специалисты указывают на социальную покладистость, терпимость, толерантность и конформность поколения центениалов, но при этом отмечают его эгоцентричность, нарциссизм, крайнюю ранимость, впечатлительность и недовольство окружающим миром. В данной связи возникает вопрос о пределах толерантности этого поколения, границах его терпимости и готовности переходить к активным действиям и политическому протесту. Любые попытки определить эти границы и спрогнозировать тенденции политического поведения представителей поколения Z пока носят ретроспективный сопоставительный характер, опираются на опыт исследований поведения предшествовавших поколений и попыток его экстраполяции. Так, например, Г. Стэндинг предположил, что нарастающая социально-экономическая нестабильность и напряженность в поляризирующемся обществе приведут к формированию классового сознания, социальной консолидации прекариата, большая часть которого представлена молодым поколением. Однако пока непохоже, что проявляются какие-то очевидные признаки идеологической и идейно-политической мобилизации прекарных социальных групп. Более того, фиксируемые сегодня особенности социальной психологии айдженеров свидетельствуют об их склонности не бросать вызов системе извне, а пытаться трансформировать ее изнутри, придерживаться стратегии «малых дел». Примечательно в данной связи и то, что хорошо изученные в настоящее время методики «рево-

люций *Facebook*» реализовывались представителями поколения Y. С другой стороны, при отмечаемом эгоцентризме центениалов (продолжающем тренд, заданный еще миллениалами), сопутствующем снижению навыков социального взаимодействия в реальной жизни *offline*, становится неясным, возможно ли институциональное и инструментальное оформление накапливающегося в молодежной среде недовольства в практическую протестную и скоординированную политическую активность. Индустриальная эпоха «восстания масс» характеризовалась наличием массовых идеологических доктрин, создававших для своих последователей желаемый образ будущего, без относительной веры в который участие в движении было проблематичным. В современных условиях желаемый образ будущего исчез, на его место пришло ощущение аномии, беспомощности и катастрофизма. Между тем без веры в достижимость желаемого образа будущего у людей исчезают стимулы для борьбы за социальные и политические преобразования. Другой проблемой решения задач, стоящих перед новым поколением, связанной с последствиями тотальной цифровизации, является воздействие технологий на когнитивные способности и прежде всего снижение способностей к стратегическому и концептуальному мышлению.

Доступность информации, казалось бы, делает возможности познания мира безграничными, однако на деле обилие данных сужает поле зрения, способствует утрате понимания, какие факты отвечают действительности и на самом деле имеют значение, а какие привлекают внимание в силу особенностей работы алгоритмов поисковых систем и искусственного интеллекта, адаптирующего контент под конкретного пользователя Сети.

Патриарх мировой политики Г. Киссинджер отмечает в данной связи: «Чтобы двинуться по дороге, которой раньше никто не ходил, требуются сила воли и мужество: воля – потому, что выбор не очевиден; лидерство – потому, что дорога будет поначалу одинокой. А затем государственным деятелям следует убедить сограждан присоединиться к этому походу. Великие государственные деятели (Черчилль, оба Рузвельта, де Голль и Аденауэр) обладали видением и решимостью; сегодня такие качества встретишь редко... При всех благах, которые принес Интернет, он сосредоточен больше на актуальном, не на протяженном во времени, на фактах, а не концепциях, на общих ценностях, а не на интроспекции... Образ мышления, подходящий для одиноких политических дорог, не слишком очевиден тем, кто ищет подтверждения своим взглядам у сотен, а то и тысяч друзей в “Фейсбуке”» [Киссинджер 2015: 453–454].

Концептуальное мышление требует времени, навыков вдумчивого сравнительного анализа, ориентированного на моделирование будущего. Однако формируемые обществом потребления цифровой эпохи практики не отвечают указанной задаче, поскольку способствуют развитию фрагментарного, клипового сознания. В политической плоскости современные цифровые технологии и особенности развития сетевой экономики ставят вопрос о проблеме лидерства, качестве элиты, которая должна формулировать желаемый образ будущего и моделировать стратегическое развитие общества. Потребляемые «сетевым человеком» информационные потоки, подогнанные под его проанализированные искусствен-

ным интеллектом предшествующие поисковые запросы и тематику просмотренных электронных страниц и отслеженных электронных следов в глобальной Сети, которые, как предполагается, полностью соответствуют его интересам, образуют вокруг личности непроницаемый информационный кокон, создают иллюзию информационной свободы, за которую пользователь расплачивается личными данными, поступающими в безбрежный массив *Big Data* [Кин 2016; Zuboff 2019; Киссинджер 2015: 458, 480]. Подобные тенденции взаимодействия человека и техники ориентируют на тактические решения и нестратегический стиль мышления, приводят к тому, что ключевой функцией кандидатов на первые посты современных демократических государств становится сбор средств. При таких обстоятельствах здравый смысл и стратегическое мышление закономерно приносятся в жертву PR-активности и краткосрочной политической конъюнктуре, острота воздействия которой на политиков и общество усиливается средствами сетевой информационной агрессии.

Воздействие сетевых технологий на мышление усугубляет опасные тенденции тактических решений в социально-экономической и политической сферах. Об опасностях тактического мышления существует значительная как научная, так и практическая литература. Данной проблемы в своей критике капиталистических отношений касался К. Маркс, ее рассматривали в своих работах авторитетные эксперты в области менеджмента (например, Л. Якокка) и специалисты в сферах прогнозирования, футурологии и стратегического планирования (например, Дж. Нейсбит и Э. Тоффлер). Однако сегодня в глобализированном и стремительно меняющемся, непредсказуемом и сложном мире тенденция упрощения проблем и тактического мышления чревата особенно разрушительными последствиями, вышла на качественно новый уровень, который требует интенсификации новых научных и практических исследований.

* * *

Представляется, что решить проблемы дегуманизации экономики и сохранения человечества как одухотворенного, сознающего свою ответственность вида могут только государство и активная государственная социально ориентированная политика. Рыночные механизмы и цифровые технологии сами по себе не решают многочисленных стоящих перед современным обществом проблем. Эффективные решения возможны на уровне скоординированных усилий и политической воли национальных правительств при условии активного вовлечения общественности. Однако хватит ли у правительств, привыкших руководствоваться в своих действиях либеральными концепциями, доминировавшими в идеологической сфере на протяжении последних тридцати лет, воли на то, чтобы пересмотреть ставшие традиционными подходы и искать новые решения – большой, в значительной степени идеологический вопрос [Piketty 2020]. В сложившейся либеральной модели социально-экономического развития, в которой доминируют англосаксонские концепции, отсутствуют нравственные, моральные установки, ориентированные на коллективные интересы и общие ценности и перспективы. Цифровые технологии и сетевая экономика стали бурно развиваться именно в рамках этого эгоцентричного нарратива общества потребления. Тем не менее даже

в странах либеральной демократии общественность выражает все большую озабоченность непрозрачностью, монополизмом и антиобщественным поведением корпораций – лидеров сетевой экономики. Результаты опроса *Pew Research Center*, проведенного в сентябре 2020 г., показали: 73 % респондентов заявили о своей неуверенности в том, что *Facebook*, *Twitter* и *Google* могут предотвратить злоупотребления техническими возможностями социальных медиа на выборах. По данным опроса *Accountable Tech*, проведенного летом 2020 г., 85 % граждан обеспокоены непропорционально большим влиянием IT-гигантов на общество.

Провал глобального альтернативного западному советского социально-экономического эксперимента по построению разумно организованного общества привел к тому, что сегодня, по верному замечанию британского социолога Дж. Урри, в научном сообществе просто «не модно», не принято заниматься комплексным стратегическим прогнозированием будущего в привязке к выработке каких-либо конкретных социально-экономических и политических мер. В современных социально-экономических и политических процессах наблюдается рост хаотизации и превалирования тактических решений. В условиях динамичного и сложного современного мира растут конфликтный потенциал и социальные противоречия. В этих обстоятельствах необходимо выработать комплексные меры и пересматривать саму модель социально-экономической организации общества, опираясь при этом на реализацию сглаживающей противоречия государственной политики идентичности, ориентированной на интеграцию, а не дезинтеграцию общества. Советский и российский опыт многонационального государства и поддержания межнационального и межконфессионального мира и согласия, а также развитие отечественной школы идентитарных исследований свидетельствуют о том, что российское научное сообщество может внести свой вклад в анализ и практическую корректировку негативных процессов цифровизации с помощью соответствующих механизмов реализации политики идентичности.

Политика идентичности в качестве инструмента консолидации общества и сглаживания его противоречий должна носить объясняющий и гармонизирующий характер, быть научно обоснованной и при этом психологически приемлемой для общества, скоординированной с комплексным стратегическим социально-экономическим планированием (в том числе в рамках реализации положений 172-го Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации») и соответствующей законодательной практикой, поскольку вне рамок осмысленного и контролируемого обществом использования современные технологии обладают значительным разрушительным потенциалом социально-психологической дезинтеграции. В то же время влияние цифровизации на трансформацию человеческого восприятия заставляет выработать новые методы информационной борьбы, защиты ценностного суверенитета общества от информационных атак разнообразных внешнеполитических, как государственных, так и негосударственных акторов мировой политики.

Литература

Аткинсон Э. Б. Неравенство: как с ним быть? М. : Дело, 2018.

Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. М. : Альпина Паблицер, 2017.

Карр Н. Дж. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб. : Best Business Books, 2012.

Кин Э. Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М. : Альпина Паблишер, 2016.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2015.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2020.

Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М. : Альпина Паблишер, 2020.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020.

Твенге Дж. М. Поколение I. М. : РИПОЛ классик, 2019.

Твендж Дж. М. Поколение селфи: кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М. : Эксмо, 2018.

Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М. : Точка, 2018.

Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.

Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 3–14.

Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge : Harvard University Press, 2020.

Twenge J. M., Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York : Free Press, 2009.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books, 2019.

References

Atkinson A. B. Neravenstvo: kak s nim byt'? [Inequality – What Can Be Done?] Moscow : Delo, 2018.

Zimbaro P., Colombe N. Muzhchina v otryve [Man, Interrupted]. Moscow : Alpina Publisher, 2017.

Karr N. G. Pustyshka. Chto Internet delaet s nashimi mozgami [The Shallows: What Internet Is Doing to Our Brains]. St. Petersburg : Best Business Books, 2012.

Keen A. Nichego lichnogo: Kak sotsial'nye seti, poiskovye sistemy i spetssluzhby ispol'zuyut nashi personal'nye dannye [Nothing Personal: How Social Networks, Search Engines and Intelligence Agencies Use Our Personal Data]. Moscow : Alpina Publisher, 2016.

Kissinger H. Mirovoj poryadok [World Order]. Moscow : AST, 2015.

Piketty T. Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow : Ad Marginem Press, 2016.

Radaev V.V. Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow : HSE, 2020.

Stiglitz J. E. Lyudi, vlast' i pribyl': Progressivnyj kapitalizm v epohu massovogo nedovol'stva [People, Power, and Profits: Progressive Capitalism in the Age of Mass Discontent]. Moscow : Alpina Publisher, 2020.

Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow : Ad Marginem Press, 2020.

Twenge J. M. Pokolenie selfi: kto takie millenialy i kak najti s nimi obshchij yazyk [Generation Me: Who are Millennials and How to Find a Common Language With Them]. Moscow : Eksmo, 2018.

Twenge J. M. Pokolenie I [iGen]. Moscow : RIPOL classic, 2019.

Florida R. Novyj krizis gorodov: Dzhentifikaciya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee nera-venstvo i chto nam s etim delat' [The New Urban Crisis: How Our Cities are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class – and What We Can Do About It]. Moscow : Tochka, 2018.

Ford M. Roboty nastupayut: Razvitie tekhnologij i budushchee bez raboty [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow : Alpina non-fiction, 2019.

Harris S. Kibervojn@. Pyatyj teatr voennyh dejstvij [Cyber War: Fifth Theater of Operations]. Moscow : Alpina non-fiction, 2016.

Chumakov A. N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov [Global World: A Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemij [Globalistics in the Context of Modernity: The Test of the Pandemic] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3(35). Pp. 3–14.

Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge : Harvard University Press, 2020.

Twenge J. M., Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York : Free Press, 2009.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books, 2019.